

К. М. Смирнов

МОЙ ДРУГ ЮРИЙ СЛЕПУХИН¹

Приятно находиться в Пушкинском Доме и обсуждать в этих стенах творчество нашего любимого друга Юрия Слепухина. Оно притягивает, это факт неоспоримый, факт мощный — к нему все время возвращаешься — это тоже факт. Ибо дар его необыкновенный, те глубины, которых он касается, и с Божьей помощью достигает, неизмеримы. Он настоящий романист. Мне посчастливилось познакомиться с ним вначале как с романистом, а потом как с человеком — это наложило некую печать на взаимоотношения, потому что я уже знал, что он может.

Когда я служил дьяконом в Храме Святой Троицы во Всеволожске, стал замечать в храме высокого такого, мощного, породистого человека, он так спокойно молился, и я всматривался в него, мне было интересно. Потом я прочитал в Роман-газете «Южный крест», и, увидев фотографию автора, обрадовался несказанно — фотография совпала с обликом этого человека. Думаю — надо же как! Это сейчас многие крестятся, ходят в храм, а в то время это было событие, могло повлечь за собой разные неприятности, особенно в небольшом Всеволожске, где все знали каждого, любое движение просчитывалось. Вот с начала 80-х годов мы и дружим, знакомы семьями, так вот и дружим. И за все эти годы меня даже более, чем творчество, интересовала человеческая сущность Юрия Григорьевича.

Я уже стал священником, окормлял его семью и сейчас это делаю по мере возможности. И самое драгоценное для меня было то, что он рос, он был в движении, это не было такое каменное изваяние, которое «начитывало» свои романы... Он был в движении, он живой человек, душа его — это

¹ Выступление на научной конференции «Юрий Слепухин. XX век. Судьба. Творчество: к 85-летию писателя»: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 1 марта 2012 г.

трепещущая душа... Можно представить себе состояние юноши 16 лет от роду, которого немцы увозят из родного края, из России, начинается это странствие, страдания, переживания... Этот рост у него был на сопротивлении... Трепетный возраст, когда отрочество заканчивается, наступает юность, а он рано стал мужчиной. А то огромное количество профессий, которое он прошел, говорит о том, что это человек не только энциклопедических знаний, но и усидчивости, и талантов не мерянных. Казалось, он может все... он мне вырезал ручку для священнодействия, я до сих пор пользуюсь ею, поминаю его. К чему бы он ни прикасался, он оставлял свой след — это говорит о божественном прикосновении к нему. Я со своей колокольни говорю, священнической. В его творчестве прочитывается истина...

Был такой писатель Кафка, говоря о литературе, он сравнивал литературу с роем мотыльков, которые летают вокруг источника истины, вокруг источника света с одним желанием — не обжечься... А этот человек обжегся с самого начала, с детства, с 16 лет — познал неволю. Да, он работал там у хозяина вроде незлого — это то, что мы знаем, а то, что мы не знаем?... Я знал женщину, которая была в неволе с 14 лет, и она таскала хозяйку — «фрау» — на своей спине на второй этаж, это была ее обязанность... она потом детей не могла иметь, все было нарушено.

Но Господь Юрия сохранил, в 57 году привел всю семью обратно в Россию, здесь промысел Божий! Вот этот исход обратный, это потрясающе! И в какое время! Когда все — наоборот — бежали... А они вернулись сюда, он вернулся сюда... И как его встретили? Ни стыда, ни совести у тех, кто так его встретил! Вначале понемногу печатали, а потом 10 лет ничего не печатали! Просто замолчали его творчество! Он писал «в стол», жил во Всеволожске, вел кружки какие-то, бедствовал — тяжело было человеку! Кто за это ответит? Ему был присущ и феномен «антидиссидентства» какого-то, не знаю, как это назвать, может быть придумают какой-то термин, чтобы определить, как назвать эту позицию — ... надо бы туда бежать, а он обратно..!

Прочитывая его последний роман «Не подводя итогов» и возвращаясь к этому образу литературному Кафки...

Слепухин не из мотыльков, и истина у него как бы разлита, у него нет завершенности, когда он творит «Не подводя итогов», он оставляет свое творчество, он говорит нам: итоги ТАМ будем подводить, Господь Бог на Страшном суде рассудит нас... И это потрясающее многоточие, это такой вздох бесконечности, не определить — к истине он, или внутри истины? Она разлита там... Это особенность русской литературы: именно эта недосказанность, несказанность, а понятность, понятно о чем он... Это дивное творчество, особенно эта его последняя вещь... Она настолько насыщена и настолько приподнята — это рост человека, это жизнь человека!

Я не могу сказать всего, о чем мы говорили на исповеди, но то, что я мог, похоже, сказал... Конечно, если бы его встретили более ласково, поддержку ему оказали, гражданский поступок оценили в то советское время... И завистники были, но все это призывало к Божьей мудрости, которую он обретал в своих страданиях и переживаниях...

Литература и культура нашего края — все мы вместе имеем такого дивного писателя... Я, как обыватель, читаю и удивляюсь — где сценарии, где телевизионные спектакли? Там же все это просится... Сколько молодежи в церкви ко мне подходили — когда я говорю о Слепухине — они знают Слепухина, знают по-доброму, их лицо просветляется, им хорошо становится... Причем, в разных городах, и в Москве тоже приходится общаться с молодежью...

Как хорошо, что у нас есть такой дивный человек, писатель, такой добрый и хороший! Дай Бог, чтобы память о нем оставалась, я за него молюсь всегда, его творчество требует дальнейшего осмысления и воплощения, и я верю, что мы обретем второе рождение нашего знаменитого писателя.

Дай Бог вам всем здоровья!

